

КАКОВА ЦЕНА ОТКРЫТИЯ.
СПОСОБНОГО ПЕРЕПИСАТЬ ИСТОРИЮ ХРИСТИАНСТВА?

ΠΟΣΛΑΝΙΕ ΣΑΒΛΑ

ΕΝ ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος
καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν
καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος

МАКСИМ ВЕРТОГРАДСКИЙ

Максим Вертоградский

Послание Савла

<https://litres.ru/74328114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какова цена открытия, способного переписать историю возникновения христианства?

Знаменитый российский историк погибает при загадочных обстоятельствах, успев спрятать свое открытие. Под следствием оказывается двое его бывших аспирантов — Илья и Анна. Чтобы снять подозрения, они вынуждены сами искать ответы. Следуя цепочке литературных подсказок, оставленных учителем, они находят сложную систему тайников в Москве и Петербурге, содержащих фрагменты древнего текста.

Свитки раскрывают историю Саула — молодого писца в Иерусалимском храме. И на пороге разгадки Илья и Анна понимают, что они не единственные, кто охотится за реликвиями. А тайна, скрытая в древних папирусах, остаётся опасной даже спустя две тысячи лет.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9: Послание I	38
Глава 10	43
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Послание Савла

Пролог

Доктор исторических наук, академик Виноградов шёл быстро. Слишком быстро для человека его возраста. Конечно, он не бежал, — это было бы нелепо, — но шаг оставался напряжённым и торопливым. Время от времени он оглядывался и бросал короткий тревожный взгляд через плечо.

Неужели меня так скоро нашли?

Тёплый воздух пах черёмухой — один из тех вечеров в мае, когда город ещё не задущен летней жарой и пылью. Москва жила своей обычной жизнью: по Воздвиженке текли машины, в витринах мелькали огни, а редующий поток офисных служащих сменялся туристами и молодёжью на самокатах.

Всю последнюю неделю Виноградов скрывался и тщательно прятал то, что никогда не должно было попасть в чужие руки.

Он сбавил шаг и скользнул взглядом по витрине. В отражении мелькнули машины, прохожие, и на долю секунды появился тот же человек на противоположной стороне улицы. Похоже, тот самый, что и минуту назад у кафе.

Виноградов выдохнул и перевёл взгляд на наручные часы, винтажную «Ракету». Ремешок давно было пора заменить,

но руки всё не доходили. Стрелки показывали половину десятого. Он снова ускорился.

Миновав Музей архитектуры, академик свернул на площадь. Перед ним возвышалась строгая колоннада Российской государственной библиотеки, подсвеченная мягким жёлтым светом. Почти родной дом, в котором он провёл значительную часть своей жизни.

На площади его привычно встретил памятник Достоевскому, задумчивая фигура, замершая в неудобной позе на бронзовой скамье. Виноградов поднялся по широким ступеням между графитовыми колоннами и вошёл внутрь.

Пройдя в фойе, он приложил пропуск к турникету.

— Добрый вечер, Владимир Иванович, — сказал охранник, задержав на нём взгляд.

— Добрый, — ответил Виноградов торопливо.

Загорелся зелёный свет. Турникет открылся, и он прошёл.

Здание уже опустело. Где-то в глубине звучал голос вечернего экскурсовода. Без посетителей пустое пространство мраморной лестницы казалось больше обычного. Каждый шаг гулко отдавался под высоким потолком.

Виноградов быстро поднялся по ступеням и на минуту остановился в ротонде, из которой в обе стороны расходились галереи. Он тяжело выдохнул и сглотнул: во рту появился горький привкус желчи. Сердце учащённо стучало — в семьдесят лет такие забеги давались уже с трудом.

Он прислушался — снизу, от проходной, донёсся тихий

разговор. Кто-то общался с охраной. Академик не стал дожидаться и свернул ко входу в читальный зал.

Двигаясь по пустой галерее, Виноградов достал телефон, быстро открыл форму с логотипом *Denic Services* и ввёл дрожащими пальцами код. Теперь у него был всего час на отмену.

Найдя в адресной книге нужный контакт, он сразу набрал номер. На экране появилось фото светловолосой девушки лет двадцати пяти и имя *Аня Лебедева*. Гудки тянулись долго, и в какой-то момент включился автоответчик. Виноградов сбросил вызов и быстро набрал сообщение:

«Найдите Илью. Он уже знает».

Автозамена немного исправила текст, но времени переписывать не было.

Он убрал телефон и, не замедляя шага, достал из внутреннего кармана небольшой металлический футляр. Гладкий холодный металл удобно лёг в ладонь. Он открутил крышку и на секунду задержал взгляд — внутри лежала прозрачная капсула размером с крупную фасоль. Он переложил её в пальцы, завинтил футляр и сжал его в ладони. Оставалась последняя надежда, что до этого не дойдёт, но надо быть готовым ко всему. Выбора не было.

Я не имею права отдать им Послание. Это будет преступлением.

На лестнице отчётливо слышались шаги. Кто-то неторопливо поднимался.

Виноградов потянул на себя тяжёлую дубовую дверь и вошёл в читальный зал. Посетители давно разошлись. Приглушённый свет падал на ровные ряды деревянных столов с зелёными абажурами, разделенные высокими перегородками. Тишина здесь была такой густой, что, казалось, заложило уши.

Виноградов быстро прошёл по мягкому ковру между столами и остановился возле служебной двери под пролётом массивной дубовой лестницы. Где-то дальше находился переход к отделу рукописей в Доме Пашкова. Если за ним действительно следят, там его ждать не должны.

Он достал пропуск и поднёс к считывателю — прозвучал короткий сигнал, но дверь не открылась. У Виноградова, как у научного консультанта, был доступ к служебным помещениям, но сейчас он не сработал.

Странно. Может, ошибка?

Он поднёс пропуск ещё раз, хотя уже предчувствовал результат. Замок опять не открылся. Стало ясно — это не сбой, дверь заблокировали. На всякий случай Виноградов нажал на ручку, но безрезультатно.

— Владимир Иванович, — голос за спиной прозвучал вежливо, но твёрдо.

Виноградов обернулся.

Человек неторопливо шёл к нему по проходу между столами читального зала. В полумраке, под капюшоном толстого худи, Виноградов не видел его лица.

— Следуйте за мной, — сухо сказал незнакомец, остановившись.

Взгляд Виноградова метнулся к двери, потом на незнакомца. Рука с капсулой чуть дрогнула.

Это уйдёт вместе со мной...

— Слишком поздно, — ответил он негромко.

Быстро сунув капсулу в рот, Виноградов резко сжал её зубами. Капсула коротко хлопнула с шипением, выбросив газ. Человек бросился к нему, но уже через пару шагов остановился: стало ясно, что он опоздал.

Академик пошатнулся, попытался удержаться, опершись о дверь, но ладонь соскользнула. Его дыхание стало резким и поверхностным, он схватился за горло и осел по стенке на пол. Металлический футляр выскользнул из руки, глухо ударился о паркет и медленно покатился. Тело ещё раз коротко дёрнулось и обмякло.

Несколько секунд был слышен только едва заметный шум улицы где-то за окнами.

Выждав минуту, человек поднял металлический футляр, открыл его и посмотрел внутрь. Затем он осторожно подошёл к телу, присел на корточки, аккуратно подцепил футляром выпавшую изо рта Виноградова капсулу, подтолкнув её крышкой, и плотно закрутил.

Стеклянный взгляд академика остановился где-то в пустоте, а с высоких стен, из тени, на него смотрели бюсты русских писателей — молчаливые свидетели ещё одной судьбы.

Глава 1

Илье почудилось, что он прыгнул в крошечной темноте над пропастью. Он вздрогнул всем телом и сразу проснулся.

Несколько секунд он сидел неподвижно, пытаясь понять, где он. В висках глухо пульсировало, во рту пересохло, как с похмелья. Утренний свет из закрытого окна безжалостно резал глаза. Он зажмурился, провёл рукой по лицу и, только моргнув пару раз, осознал, что сидит дома за рабочим столом.

В комнате, как всегда, на полную работал кондиционер, было холодно, тихо и идеально чисто: ничего лишнего и случайного. Стол почти пустой, поверхности протёрты, на нём — ноутбук, мышь и пустая чашка кофе. Лишь стены выбивались из этой аскетичной стерильности: на них висели астрофотографии — туманности, галактики, звёздные скопления на чёрном небе.

Илья опустил взгляд. Он был одет в уличную одежду, это было неправильно: джинсы, худи, кроссовки. Так он был одет вчера. Но он не помнил, как вернулся домой и как уснул, тем более — сидя за столом.

С фото учётки на заблокированном ноутбуке на него привычно смотрел подтянутый молодой брюнет с бледным лицом и тёмными глазами.

Первым делом он коснулся смарт-часов — экран ожил.

Несколько касаний — и появился список аудиозаписей, он пролистал его вниз. Последний файл сохранён вчера аж в 17:43, и на этом всё. Илья остановился, пролистал ещё раз и перепроверил — больше ничего. Он медленно выдохнул.

Так не бывает. Я всегда включаю страховочную запись.

Илья опустил руку и несколько секунд сидел, не двигаясь, пытаясь вспомнить хоть что-то. То чувство, когда забываешь что-то очень важное, но не можешь вспомнить, что именно.

Илья разблокировал телефон и пролистал список звонков. Внимание привлекло голосовое сообщение от академика Виноградова в 18:20. Это было странно. Он не общался с бывшим научным руководителем целых два года.

Илья нажал «воспроизведение». Резко зашумела улица, и появился голос Виноградова.

— Илья, здравствуй... Ох, не люблю я эти голосовые. Всегда лучше живьём...

Виноградов откашлялся.

— Я сейчас работаю над одним проектом. И, честно говоря, не уверен, что смогу поговорить с тобой позже. Просто не знаю, что будет завтра.

Он коротко рассмеялся, но совсем не весело.

— Так что скажу прямо. Я знаю, что тогда у вас произошло с Аней. И догадываюсь, какие выводы ты сделал.

Виноградов вздохнул.

— Думаю, у тебя до сих пор остались вопросы ко мне. И кажется, важно наконец во всём разобраться.

Он помолчал и продолжил тише:

— Это прозвучит неожиданно, но ответы ты найдешь в том проекте, над которым я сейчас работаю. Аня тоже в этом участвует.

В динамике послышался вой сирены, и Виноградов замолчал. Машины проехали.

— В общем, если хочешь узнать, приходи в наше кафе на Воздвиженке. Я сегодня буду там часов до девяти. И лучше не откладывай. Ну, будь здоров.

Илья почувствовал, как картина последних дней в голове словно разбивается на множество осколков.

Мы встречались с ним?

Он проверил почту, там обнаружили только несколько писем от заказчиков — рабочая переписка по очередному проекту, где Илья работал как ML-инженер¹.

В этот момент телефон завибрировал. На экране высветилось «Аня». Илья в нерешительности подождал несколько секунд и всё же смахнул значок приёма вызова.

— Да.

— Ты дома?

— Да... дома, — он не стал ни о чём спрашивать. Просто ждал.

В трубке было слышно её дыхание — прерывистое, будто

¹ Machine Learning Engineer — это специалист, который разрабатывает, обучает и внедряет модели машинного обучения (нейросети, алгоритмы ИИ) в реальные IT-продукты.

она собиралась с силами.

— Виноградов умер.

Несколько секунд они оба молчали.

— Когда? — спросил он наконец.

— Вечером, кажется. Или ночью... Я точно не знаю.

Он провёл рукой по лицу.

— Это точно?

— Конечно. Иначе я бы не стала тебе звонить, — сказала она быстро. — Он сам попросил связаться с тобой.

Анна опять замолчала. Он тоже не знал, что тут сказать.

— У тебя были следователи? — спросила она.

— Нет.

— А у меня были только что.

Он подался вперёд.

— И что они хотели?

— Спрашивали про него и про тебя — когда я тебя видела, что знаю и так далее.

— И что ты им сказала?

— Как есть. Два года не имею ни малейшего представления о твоей жизни.

Илья встал с кресла и подошёл к окну.

— Ты поэтому звонишь?

— А ты хотел бы, чтобы была другая причина?

Илья ничего не ответил.

— Ты получил письмо? — спросила Анна.

Он напрягся, вспоминая.

— Какое именно?

— От Виноградова. Мне пришло.

Илья вернулся к столу и бросил взгляд на ноутбук.

— Нет, я не получал.

— Странно... Но всё равно нам нужно встретиться. Ты помнишь кафе на Никольской возле ГУМа?

— Да, помню.

— Тогда давай там через час. У меня совсем нет времени.

Илья молчал.

— Илья?

— Да.

— Я думаю, следователи поехали к тебе.

Он нахмурился.

— Думаешь, меня в чём-то подозревают?

— Думаю, да. Похоже, в смерти Виноградова.

Внутри появилось тягостное предчувствие. Илья опять напряг память, но события вечера прошлого дня начисто отсутствовали.

— Так ты придёшь? — спросила Анна.

— Постараюсь.

Он повесил трубку, и в комнате снова стало тихо. Если полиция его уже ищет, значит, есть серьёзный повод.

Почему? Они знают о встрече?

Илья положил телефон, сел перед ноутбуком и ещё раз быстро пролистал почту, открывая папки спама. Там тоже ничего не было.

В этот момент домофон зазвонил так резко, что Илья вздрогнул.

Глава 2

Воронов стоял у подъезда, чуть отступив от двери, и смотрел на горящее табло домофона с номером квартиры. Немного позади держался его молодой стажёр, длинный и тощий Любочкин.

Домофон продолжал гудеть.

— Что-то долго, — сказал Любочкин, налегая в говоре на букву «о». — Может, нет дома?

Воронов покачал головой.

— Есть. Куда он денется.

Он сделал шаг ближе к панели и набрал номер соседней квартиры. Через несколько секунд в динамике раздался голос пожилой женщины:

— Да?

— Следственный комитет. Мы к вашему соседу.

Щёлкнул замок, и они вошли в подъезд. Воронов нажал кнопку вызова лифта. Пока ждали, Любочкин негромко сказал:

— Камеры в Ленинке почистили. Думаете, он мог?

— Он же айтишник, почему нет, — ответил Воронов. — Меня больше интересует, где он взял этот нейротоксин.

Он уже посмотрел заключение судмедэксперта и камеры из кафе по соседству. Левин — последний, кто встречался с Виноградовым. Формально он пока свидетель, хотя... Дру-

гих кандидатов пока даже не просматривалось.

Воронов не выносил таких, как Левин, — *зумеров*, а тем более айтишников, и про себя называл их *малолетними дебилами*. За последние годы ему хватило горе-хакеров, зацеперов, криптоэнтузиастов и прочих умников, которые пытались сломать систему ради идеи, а потом искренне удивлялись уголовному делу.

Он покосился на своего белобрысого стажёра. *Ещё один такой же. Навязали на мою голову.*

Любочкин был родом откуда-то из Кировской области и только что окончил академию. Всего два дня рядом, но уже успел порядком надоесть.

С шумом разошлись створки лифта. Они вошли внутрь. Кабина медленно поползла вверх. В разрисованном зеркале Воронов увидел своё лицо, небритое и уставшее. Подъём в четыре утра добавил к его сорока пяти ещё десяток лет. В жизни разведённого холостяка был несомненный плюс — работать можно круглые сутки.

Лифт остановился, двери разошлись, нарушив тишину на площадке. Они подошли к двери, Любочкин нажал кнопку звонка, и за дверью зазвучала трель. Подождали, но никто не открыл. Он нажал ещё раз.

Воронов подошёл ближе и постучал, сначала спокойно, потом чуть сильнее.

— Илья Григорьевич, это следственный комитет. Старший следователь Воронов.

Он наклонился к двери.

— Я знаю, вы меня слышите.

Воронов выпрямился и посмотрел прямо на дверной глазок.

— Откройте. Не надо усложнять, — сказал он, чеканя слова. — Невыполнение законного требования представителя власти — это уголовная ответственность.

За дверью было тихо. Воронов замер, прислушиваясь. Затем медленно перевёл взгляд на соседнюю дверь и нажал на звонок. Дверь немедленно приоткрылась на цепочке, оттуда показалось испуганное лицо пожилой женщины.

— Да?

Воронов показал удостоверение.

— Следственный комитет. Скажите, вы соседа сегодня видели?

— Нет... — женщина нахмурилась. — Но вчера вечером дверь хлопала. Он вроде бы приходил.

Воронов коротко кивнул.

— А в той квартире кто живёт? — спросил он, посмотрев на другую дверь.

— Да её сдают... — оживилась женщина. — Там раньше ребята жили, курьеры какие-то. Целым табором. Сейчас съехали вроде, а ещё раньше...

— Ясно, спасибо, — он уже не слушал.

Воронов ещё раз посмотрел на квартиру Ильи.

— Не откроет, надо вскрывать, — тихо сказал он.

— Без постановления? — удивился Любочкин.

— В академии не рассказывали про такое? — усмехнулся Воронов.

Он развернулся, и они пошли обратно к лифту. Двери закрылись, кабина поехала вниз.

Через несколько секунд Воронов с Любочкиным вышли из подъезда и направились к чёрному УАЗ «Патриот» с тонированными стёклами. На заднем стекле красовались парашют и белая надпись: «Никто, кроме нас».

— Пробей пока его телефон и согласуй вскрытие, — приказал Воронов.

Любочкин притормозил шаг.

— Я же никогда этого не делал.

Воронов открыл дверь машины.

— И что? Как раз разберёшься. Подождём, тут он.

Он сел за руль и захлопнул дверь.

Глава 3

Анна поморщилась, глядя на ногти: они уже неприлично отросли. Маникюр пришлось отменить, куда его теперь впихнуть перед поездкой, было непонятно.

Из раскрытого прямо на кровати чемодана она вытащила водолазку и джинсы, торопливо натянула их, скрутила светлые волосы в подобие пучка и перехватила резинкой. Получилось так себе, но время было важнее.

Она бросила взгляд на загранпаспорт, в который уже были вложены билеты. Завтра, в 13:30 — самолёт в Париж. Её пригласили выступить с лекцией по ранней христианской текстологии в Практической школе высших исследований². Ещё год назад она бы решила, что это чья-то ошибка. Получить в двадцать пять лет такое приглашение — это успех.

Анна взяла телефон, и ей опять вспомнился разговор с Ильёй, холодный и отстранённый. Два года она пыталась вычеркнуть его из памяти, и в последние месяцы она вспоминала его всё реже. Во многом помогла научная работа, в которую Анна погрузилась с головой, и вот — заслуженный результат.

Она уже представляла старый учебный корпус Сорбонны,

² École pratique des hautes études (фр.) — один из ведущих ВУЗов Франции, специализирующийся на исторических, филологических и религиозных исследованиях.

библиотеку на улице Кардинала Лемуана, рукописи, которые она раньше видела только в каталогах. Возможно, она даже прогуляется по Латинскому кварталу вместе с шумными группами студентов со всего мира.

Такой шанс упустить нельзя.

В этом будущем для Ильи места не было, но сейчас его голос всколыхнул то, что она считала уже начисто стёртым. Она вдруг вспомнила до мелочей их последний разговор два года назад, а потом Илья просто исчез.

Анна резко захлопнула крышку чемодана, будто там можно было закрыть нахлынувшие воспоминания.

Нужно наконец поставить точку. Вот и отличный повод.

Она посмотрела на часы — времени было в обрез.

Быстро съезжу, разберусь — и всё.

Телефон завибрировал в руке — какой-то незнакомый номер. Анна сбросила звонок и положила телефон в сумочку. Она снова посмотрела на паспорт с билетами, на секунду задержав взгляд.

— Да ладно... — тихо сказала она себе. — Ты же не думаешь, что это может затянуться? Дело на пару часов...

Она быстро вышла, хлопнув дверью. Билеты остались на месте.

Глава 4

Шершавая дверная обивка прилипла к щеке. Илья не отрывался от глазка в соседней квартире, пока следователи стояли на этаже. Сердце бешено колотилось. Он вдруг понял, что уже, наверное, минуту не дышит, хотя за дверью его и не было слышно.

Соседка оставила ему ключи, чтобы открывать квартиру для просмотра новым арендаторам.

Воронов с напарником ушли. Илья облегчённо выдохнул и осторожно подошёл к окну, отодвинул штору на пару сантиметров и посмотрел вниз. Чёрный УАЗ «Патриот» стоял у самого подъезда — его ждали.

Что же я натворил вчера?

Он быстро огляделся: старые кресла-кровати, грязный стол, пустые картонные коробки. В квартире ещё висел запах чужого жилья, как будто люди уехали впопыхах совсем недавно.

Илья растёр ладонями лицо, пытаясь сосредоточиться: следователи, Анна, смерть Виноградова. Мысли блуждали, упираясь в плотную пелену.

Ещё небольшое усилие. Казалось, вот-вот — и удастся зацепиться за ускользающий образ, но в последний момент всё рассыпалось на фрагменты, оставляя в голове только глухую пустоту.

Чёрт. Опять ай-кью минус сто. Нужна Айс.

Он достал телефон, посмотрел на экран, на секунду задумался и затем полностью выключил его. Взглянув на часы, Илья машинально запустил запись. До встречи с Анной оставалось сорок минут.

— Айс, — негромко произнёс он, глядя на запястье.

Часы негромко пикнули.

— Как покинуть квартиру в девятиэтажке, если подъезд под наблюдением?

Илья замер, его лицо стало безэмоциональным и пустым. После короткого сигнала из часов раздался ровный женский голос:

— *Доступные варианты выхода: сквозной подъезд, подвал, чердак, окно первого этажа, социальная инженерия.*

Он не двигался, пока она не закончила.

— Подробнее про последнее.

— *Маскировка, имитация роли: коммунальные службы, курьер, экстренные службы.*

Илья снова оглядел квартиру, не заметив ничего, что могло бы помочь. Он вновь выглянул в окно и быстро посмотрел вниз. Мысль о первом этаже промелькнула и сразу исчезла, это было бы слишком заметно.

Он вернулся в прихожую и открыл шкаф. На полках валялись мятые пакеты из «Пятёрочки», на вешалке — жёлтая куртка «Яндекс Еды», внизу — короб курьера. Куртка была ношенная, грязная.

Илья замер на секунду, затем быстро надел куртку. Она оказалась немного велика.

Сняв рюкзак, он убрал его в короб и надел лямки на плечи. Подойдя к зеркалу, он посмотрел на себя и натянул капюшон. Он снова заглянул в глазок — на площадке было пусто. Осторожно щёлкнув замком, Илья вышел из квартиры и тихо притворил дверь.

Спустившись по лестнице, Илья натянул капюшон пониже и вышел из подъезда. Он старался не смотреть в сторону «Патриота» и шёл быстро, но не бегом. Краем глаза он заметил, как опускается тонированное стекло у водителя.

Он отвёл взгляд и заставил себя идти обычным шагом.
— Молодой человек! — раздался мужской голос.

Глава 5

Перед капотом «Патриота» возник грузный мужчина в спортивных штанах и потёртой кожаной куртке.

— Молодой человек!

Воронов опустил стекло и вопросительно посмотрел на него.

— Машину отгоните, пожалуйста.

Он коротко взглянул в зеркало и понял, что перегородил выезд. Ничего не ответив, он закрыл окно, включил передачу и резко сдал назад.

Мужчина кивнул, улыбаясь, и сложил ладони в благодарственном жесте.

В этот момент у Любочкина зазвонил телефон.

— Да... Принято.

Воронов повернул к нему голову:

— Что?

— Телефон Левина засекли. Последний сигнал был здесь десять минут назад. Сейчас вне сети. И вскрытие согласовали.

Воронов кивнул.

— Отлично. Болгаркой умеешь пользоваться?

Любочкин удивлённо моргнул:

— Я? А у нас есть болгарка?

— Нет у нас болгарки, — раздражённо ответил Воронов.

— Пошли.

Заглушив двигатель, они вышли из машины и опять направились к подъезду. На ходу Воронов обернулся и оглядел двор. Краем глаза он заметил уходящего курьера в жёлтой куртке.

Он выходил из подъезда? Наверное, показалось.

Глава 6

Крепкий мужчина лет пятидесяти, с короткими рыжеватыми с проседью волосами, сидел в номере отеля за столом перед раскрытым ноутбуком. Рядом лежало малиновое удостоверение силового ведомства, которое ему сделал Заказчик. Чаще всего он представлялся всем Джеймсом, но это удостоверение было на другое имя.

От ноутбука тянулся короткий кабель, подключенный к разблокированному телефону. Его владелец умер сегодня ночью в библиотеке.

Шторы в номере отеля были плотно задёрнуты. Только тонкая полоска света под ними показывала, что за окном уже утро.

Несмотря на уютную, почти домашнюю обстановку, он был одет так, будто собирался выйти в любую секунду: джинсы, тонкий трикотажный джемпер, подчёркивающий спортивную фигуру, удобные туфли-кроссовки. Можно было подумать, что он только что вошёл в номер, а не провел тут ночь.

На экране одно за другим всплывали окна служебных программ. Он просматривал содержимое телефона через файловый проводник. Всё подряд он не открывал, а методично заходил в служебные папки и архивы.

Джеймс взял телефон и перевёл его в авиарежим. Затем

запустил сканирование внутренней памяти и отфильтровал файлы. Наклонившись ближе к экрану, он быстро просмотрел несколько папок и остановился на одном из архивов.

— Got it... — тихо произнёс он себе под нос.

Щелчок мыши — и на экране открылось окно ввода пароля.

Несколько секунд Джеймс оценивающе смотрел на служебное окно, потом полез в рюкзак, достал небольшое чёрное устройство размером с пачку сигарет и подключил его к ноутбуку. На корпусе загорелся синий светодиод.

На экране открылось новое окно. В строках одно за другим начали появляться слова, собранные из содержимого телефона:

Paulus, Иоанн, Vesuvius Challenge, Анна, Булгаков...

Джеймс пробежался взглядом по списку и запустил подбор. Теперь программа перебирала уже не слова, а их вариации — с датами, сокращениями, заменой букв и символов.

Он откинулся на спинку стула и достал из кармана патрон. Старый пистолетный патрон. Латунная гильза, отполированная постоянным трением, блестела, словно золотая, контрастируя с красноватой медной пулей. Проточка в донце гильзы почти стерлась. Он начал перекачивать патрон между пальцев на тыльной стороне ладони — от указательного к мизинцу и обратно. Пальцы двигались сами, он давно не замечал этого движения.

Через несколько секунд в окне программы побежал счёт-

чик попыток. Цифры быстро росли, становясь четырёхзначными.

Джеймс встал, подошёл к окну и слегка отодвинул штору — там уже шёл плотный поток машин: город проснулся.

Он пробежался взглядом по потолку, вентиляционной решётке, пожарному датчику. Камер в номере, конечно же, не было, но привычка есть привычка.

За спиной коротко пискнул ноутбук — Джеймс убрал патрон и быстро вернулся к столу.

Архив открылся даже быстрее, чем он ожидал. Внутри хранилось всего несколько файлов. Через минуту он уже смотрел на нужный: фотографию кейса, адрес и короткую заметку Виноградова.

Джеймс открыл защищённый чат и набрал:

Вероятная локация найдена.

Сообщение ушло Заказчику.

Не дожидаясь ответа, он закрыл ноутбук и убрал его вместе с телефоном Виноградова в небольшой рюкзак. Сунув руки в лямки, он закинул рюкзак за спину, а затем точными движениями поправил ремни кобуры для скрытого ношения оружия. Накинул куртку и спокойно вышел из номера.

Глава 7

Полковник Селдалов вышел из церкви во внутренний двор с елями, аккуратными дорожками, посыпанными мелкой щебёнкой, и круглым декоративным прудом. Он вдохнул полной грудью и поднял взгляд на пятиглавие с золотыми крестами. Воздух был свежий, а после причастия на душе, как обычно, — светло и легко. Александр Михайлович поклонился, трижды перекрестился и неторопливо направился к воротам.

В кармане пиджака завибрировал телефон.

Он достал его и на секунду задержал взгляд на экране. Лицо не изменилось, только шаг стал чуть медленнее. Впору было бы испытать удовлетворение, но за долгие годы службы Селдалов отучил себя от спонтанных реакций.

Человек, которого ему рекомендовали через старого знакомого из частных охранных структур, пока работал чётко. Он быстро вышел на академика, установил наблюдение и собрал нужную информацию. Именно такой и был нужен для этого неофициального дела.

Селдалов убрал телефон и пошёл быстрее.

Но с гибелью Виноградова всё пошло не по плану. Слишком много людей уже знали, что академик что-то нашёл, а Селдалов считал, что некоторые вещи нельзя предавать огласке. Люди не умеют обращаться с подобными находка-

ми. Они либо превращают их в скандал, либо в товар. Если Виноградов предпочёл смерть, значит, боялся не зря. Значит, тем более, нужно это найти и засекретить.

У ворот его ждал чёрный служебный автомобиль с мигалкой. Александр Михайлович ещё раз перекрестился и сел на заднее сиденье.

— Со святыми тайнами, — буднично поприветствовал его водитель.

— Спаси Господи, — ответил Селдалов. — Поехали.

Машина мягко тронулась с места. Селдалов достал телефон и ещё раз посмотрел на короткое сообщение от Джеймса:

«Вероятная локация найдена».

Он заблокировал экран и перевёл взгляд в окно. Приятно, когда достаточно нескольких точных действий, а дальше остаётся только дожидаться результата.

Глава 8

Анна сидела за столиком на улице напротив ГУМа и медленно пила уже остывший кофе.

Утром на Никольской было непривычно тихо. Редкие туристы неторопливо шли по пешеходной улице, негромко переговариваясь на разных языках. По гранитной плитке вяло шуршала уборочная машина. Где-то в стороне задумчиво бренчала гитара уличного музыканта.

Илья опаздывал на десять минут. Она посмотрела на часы в телефоне и мысленно дала ему ещё десять. Потом всё, она встанет и уйдёт.

Два года прошло, чего от него теперь вообще ждать?

Анна машинально постучала ногтями по столешнице и тут же вспомнила про отменённый маникюр. В это время она должна была быть совсем в другом месте. Это было мелочно, и оттого раздражало ещё сильнее.

— Извини, что опоздал. Я прятался от следователей.

Она подняла голову и не сразу узнала Илью в жёлтой куртке курьера, с коробом за спиной. Он снял короб, поставил его на соседний стул и сел напротив, нажав кнопку на наручных часах. Анна ещё раз внимательно посмотрела на него.

— Мне говорили, что ты работаешь на «Яндекс». Но я не думала, что в этом смысле.

— Верно. Работаю, — ответил Илья.

Они встретились глазами, и Анна вдруг с неприятной ясностью поняла, насколько сильно он изменился за эти два года. Она помнила Илью другим — худеньким, с вечно взъерошенными волосами, живыми глазами и нагловатой улыбкой. В нём всегда было что-то немного детское и прямое. Когда кто-то тактично молчал, Илья обязательно шуткой или комментарием вытаскивал недосказанность на поверхность. Эта откровенность ей нравилась, таким она его когда-то любила.

Сейчас перед ней сидел другой человек: коротко стриженный, подтянутый, с жёсткой, почти военной осанкой. Когда они встретились глазами, на его лице ничего не дрогнуло. Он даже не улыбнулся.

Или он просто очень хорошо научился это прятать?

Анна отвела взгляд первой.

— Илья, смерть Владимира Ивановича — ужасная трагедия. Я надеюсь, ты сможешь сделать то, о чём он просил.

Илья молча кивнул.

— Мне пришло письмо. Отправитель — какой-то «Деник Сервисез». Похоже, это цифровой эскроу. Первый раз такое вижу.

Она открыла почту на телефоне и придвинулась ближе, положив его на стол перед Ильёй.

— Вот.

Они оба чуть подались вперёд.

«Дорогая Аня!

Если ты читаешь это письмо, значит, сработал цифро-

вой эскроу, и, скорее всего, меня уже нет в живых. Мне очень жаль, что всё сложилось именно так. И ещё мне жаль, что я стал причиной вашей размолвки с Ильёй. Вы — одни из моих самых талантливых учеников».

Анне вдруг стало нестерпимо горько, что её последнее общение с ним теперь сведено к этому письму; она поджала губы и отвела взгляд.

Илья прокрутил письмо ниже.

«Несколько месяцев назад я получил приглашение по гранту крупного фонда возглавить международную группу учёных в Италии. Речь шла о работе с древними обугленными папирусами, обнаруженными в Геркулануме».

— Я знаю об этом, — тихо сказала Анна. — Конкурс «Везувиус челлендж»³. Это один из передовых проектов в папирологии⁴.

Илья ничего не ответил, только продолжил читать.

«Для работы мы использовали метод микрослойной томографической развёртки, а затем — нейросетевой алгоритм распознавания, который Илья разработал ещё до ухода из команды».

Анна вскинула брови и посмотрела на Илью.

— Серьёзно? Это твоя разработка?

— Похоже, что да, — коротко ответил он.

Он прокрутил ниже.

³ Vesuvius Challenge (<https://scrollprize.org/>).

⁴ историко-филологическая дисциплина, изучающая тексты на папирусах.

«После нескольких недель работы однажды вечером я закрылся в лаборатории и запустил распознавание. Когда я увидел текст, который пропустил передо мной на экране, я уже не смог заснуть. Его содержание оказалось настолько шокирующим, что я отказался передавать результат дальше без дополнительной проверки. Скажу лишь, что речь идёт о крайне чувствительных для верующих сведениях, способных подорвать представления о возникновении христианства. Подробности я не могу изложить в этом письме».

Анна медленно выдохнула.

— Если это не подделка, — сказала она, не отрывая взгляда от экрана, — это научная бомба.

Илья прокрутил письмо дальше.

«Вскоре я обнаружил, что в нашей лаборатории побывал посторонний. Искали данные сканирования и сами артефакты, но ничего не нашли. Тогда я понял, что обязан действовать быстро. Я забрал свитки, поместив их в специальный кейс. Изъял все данные сканирования, а рабочие файлы удалил. Возвращаясь в Россию, я оформил цифровой эскроу на случай своего исчезновения или смерти. После возвращения я спрятал свитки в защищённом месте».

Анна придвинулась ближе к экрану. Теперь они почти касались плечами.

«Найдите файлы сканирования и сами свитки. Пусть Илья использует свою нейросеть для распознавания. Я прошу вас обоих верифицировать материалы и затем самим

решишь, что с ними делать. Моё вознаграждение по гранту я завещаю вам с Ильёй».

Илья коротко вскинул брови, но ничего не сказал и уже читал дальше.

«В кейсе со свитками установлена колба с концентрированным раствором соли. Если пароль не будет введён вовремя, механизм активируется, и раствор уничтожит свитки.

Я предусмотрел это на случай, если в работу попытаются вмешаться посторонние. Но времени достаточно. У вас будет вся информация, чтобы найти кейс.

Таймер и поле ввода пароля — по ссылке ниже.

Текст первого свитка — в приложении.

ВИБ»

Илья молча кликнул на ссылку внизу письма. Открылась страница с таймером обратного отсчёта, на экране бежали цифры:

13:27:43

Ниже было только пустое поле ввода пароля. Они несколько секунд смотрели на экран, не говоря ни слова.

— Поразительно, — тихо сказала Анна.

И почти сразу, будто испугавшись собственной интонации, вернулась к деловому тону:

— Давай посмотрим вложение. Я пока не успела.

Илья отправил файл себе на ноутбук и сразу открыл.

Экран разделился на две части: слева — сканирование свитка, справа — перевод на русский.

— Это же койне...⁵— сказала Анна, сразу погружаясь в текст.

⁵ Надрегиональный тип языка, использовавшийся для общения между носителями разных диалектов в эллинистическую и римскую эпохи (IV в. до н.э. — V в. н.э.).

Глава 9: Послание I

— Саул, Саул...

Я вздрагиваю от неожиданности. Громкий шёпот и осторожный стук в дверь вырывают меня из мыслей.

Тусклый утренний свет уже просачивается сквозь щели между досками и тонкими полосами ложится на стены кожаной мастерской. Я торопливо скручиваю папирус и убираю его в нишу в стене — к десятку таких же свитков.

— Сейчас, — отвечаю я и собираю письменные принадлежности.

Затыкаю пробкой глиняную склянку с чернилами, вытираю каламб⁶ветошью и прячу всё туда же. На верстаке остаются только раскрытые куски выделанной кожи и шило. Я задуваю фитиль лампы, откидываю верёвочную петлю и открываю дверь.

Свежий воздух ударяет в ноздри запахами влажного камня и кислого хлеба — в хозяйском доме уже топят печь. На пороге стоит Стефан.

— Шлама лах⁷.

— Шлама. Заходи.

Входя, он пригибается, и сразу становится тесно. Покру-

⁶ тростниковая палочка с заостренным и расщепленным концом для письма чернилами

⁷ мир тебе (арамейский).

тив рыжей головой и осмотревшись, Стефан садится на низкую лежанку.

Я наливаю ему воды из кувшина, подаю кружку и сажусь напротив. Мы сидим почти на одном уровне — Стефан выше меня на голову и шире в плечах вдвое.

— Так и знал, что ты уже не спишь, — говорит он с улыбкой, почесывая густую бороду.

Он разворачивает небольшой узелок и кладёт на стол — там цукаты из фиников.

— Держи, моя жена передала для тебя.

— Благодарю, передай ей.

Стефан с любопытством осматривается, бросая взгляд на дымящийся фитиль лампы.

— Ты писал?

— Переписывал храмовые тексты.

— Хм, ну ясно. Ав-бейт-дин⁸Элазар послал за тобой.

Я жду, что он скажет дальше.

— Вчера был суд над очередным проповедником. Тебя вызывают на собрание Синедриона.

Мы смотрим друг на друга и всё понимаем без слов. Значит, вчера был вынесен смертный приговор, сегодня будет его утверждение. Таков порядок.

Меня вызывают затем, чтобы я сделал то, что делаю всегда — записал слова обвиняемого по-гречески. Ясно и аккуратно, так, чтобы римляне без труда слышали в них призыв

⁸ старший судья в иудейском суде.

к мятежу.

Вот мы сидим со Стефаном и просто молчим.

— Я люблю твои истории, — вдруг говорит Стефан. — У тебя есть новые?

— Ты имеешь в виду — слышал ли я новые?

— Как хочешь.

Я перебираю их в памяти.

— Недавно на рынке мне рассказали одну историю... про таланты. Не слышал?

— Вроде бы нет.

Я собираюсь с мыслями и рассказываю.

Один хозяин собрался уехать надолго. Человек он был расчётливый и любил строгий порядок в делах. Перед отъездом он позвал слуг и оставил им своё имущество. Одному дал пять талантов⁹, другому — два, третьему — один, каждому сколько считал нужным.

Он уехал, и дальше всё пошло по-разному. Тот, у кого было пять, сразу пустил их в дело и нажил ещё пять. Второй решил рискнуть — и прогорел. А третий выкопал яму и спрятал талант, чтобы потом вернуть как есть.

Прошло время, хозяин вернулся и потребовал отчёта. Первым пришёл тот, у кого было пять. Принёс ещё пять и сказал:

— Ты дал мне это — и я приумножил вдвое.

⁹ талант — единица массы и счётно-денежная единица, использовавшаяся в античные времена в Европе, Передней Азии и Северной Африке.

Хозяин его похвалил и сказал, чтобы он вошёл и праздновал с ним. Потом пришёл тот, кто получил два. Он сразу признался:

— Я взялся за дела, которые не смог удержать, и всё потерял.

Хозяин не стал с ним долго говорить — велел выгнать и больше не пускать в дом. И тогда подошёл третий. Он достал свой талант и сказал:

— Вот твоё. Я сохранил его в целостности.

Хозяин посмотрел на него, потом приказал тому, кто нашёл пять, отдать их этому слуге. И велел посадить на пиру праздновать возле себя.

Стефан задумчиво вертит в руках кружку. Мы снова молчим. Где-то неподалёку блеет ягненок.

— Как думаешь, это хорошая история? — спрашиваю я.

— А ты приходи в синагогу и расскажи. Пусть люди решат.

— Вот ещё. Я ж не раввин.

— Самая большая награда — там, где твой страх.

— Ну а тебе хоть понравилась история? — интересуюсь я осторожно.

— Понравилась, понравилась.

Стефан встаёт, упираясь головой в потолок.

— Мне пора, Саул. Дела. Шлама.

— Зил бе-шлам¹⁰.

¹⁰ иди с миром (арамейский)

Он уходит, а я провожаю его взглядом.

Прошло пять лет с тех пор, как мы познакомились со Стефаном. Мне тогда было тринадцать, и я только переехал в Иерусалим. Родители отправили меня к родственникам осваивать кожевенное ремесло и учиться при Храме.

Я всегда буду помнить, как он разорвал руками кожаный ремень. Он тогда спас меня от местных мальчишек, которые собирались устроить мне порку в нижнем городе из-за римского гражданства.

Глава 10

Дочитав текст, Анна вскочила с места и возбуждённо обошла столик.

— Это открытие мирового значения. Так что тебе рассказывал Виноградов?

Илья отвёл глаза, потёр лоб, словно пытался нащупать что-то внутри, и ответил не сразу:

— Я не помню.

Анна запнулась.

— В смысле? Он же написал, что ты знаешь.

— Я не помню встречу с ним.

Она смотрела на него, ожидая, что сейчас он хотя бы усмехнётся и скажет, что это идиотская шутка, но Илья молчал.

— Ты прикалываешься?

— Серьёзно. Я не уверен даже, что встречался. То есть... наверное, должен был встретиться. Но я этого не помню.

Анна вернулась за стол, откинулась на спинку стула и задержала взгляд на его лице, будто искала признаки розыгрыша.

— У тебя провалы в памяти? Илья, ты пьёшь? Человек умер. Он доверил тебе самое сокровенное, а ты говоришь, что просто не помнишь.

— Я не говорю, что «просто не помню».

В его голосе впервые за всё утро прозвучало раздражение.
— Я говорю, что не помню.

Анна отвернулась, сжала губы и коротко выдохнула через нос, пытаясь не сорваться.

Илья тем временем несколькими быстрыми движениями скопировал текст письма в окно с названием ICE. Потом нажал кнопку на часах.

— Айс, проверь сообщение на признаки мошеннической схемы.

Анна повернулась к нему. Сама интонация, с которой он это говорил, поразила её даже сильнее слов. Его голос остался ровным, как если бы речь шла о прогнозе погоды.

Через пару секунд из часов раздался искусственный женский голос:

«По совокупности лингвистических признаков, реквизитов и структуры сообщения вероятность подлинности письма крайне высока».

Илья поднял глаза на Анну.

— Письмо настоящее.

— Мне от этого не легче, — отрезала она. — И как, по-твоему, мы теперь должны искать эти свитки?

Илья снова нажал кнопку на часах.

— Айс, предложи оптимальный способ поиска.

«Необходимо детективное расследование с анализом перемещений Виноградова, опросом свидетелей, изучением документов, звонков, переписки и осмотром связанных лока-

ций».

Анна слушала, и на словах про детективное расследование она закатила глаза.

— Прекрасно, — сказала она. — Это неделя как минимум. А у меня завтра самолёт в Париж. И вообще, видишь таймер?

Она кивнула на экран ноутбука.

— Времени нет.

Илья молча смотрел на бегущие цифры.

— Послушай, — сказала Анна уже мягче. — Тебя ищет полиция. Если ты правда ни при чём, разумнее всего прийти к ним и рассказать всё, что мы знаем. Да, свитки найдём не мы. Но, возможно, они хотя бы успеют их спасти.

Они замолчали. Илья смотрел в экран, хотя, кроме бегущих цифр таймера, там не было ничего нового.

— Всё так, — сказал он наконец. — Но тогда свитки попадут к полиции, а Виноградов, похоже, положил жизнь на то, чтобы никто посторонний их не прочитал. Да и потом...

Он опустил взгляд, подбирая нужные слова.

— Там есть... личная информация, которую он хотел мне сообщить.

— Хорошо. Но так свитки хотя бы останутся целы, — ответила Анна. — А сейчас мы вообще ничего не можем. Ты не помнишь. У нас нет пароля. Нет адреса. Нет хоть какой-то зацепки.

Илья потёр веки и ещё раз посмотрел на таймер.

— Возможно, ты права. Ладно. Как там фамилия следователя?

Он сунул руку в карман толстовки под жёлтой курткой и начал вытаскивать вещи: телефон, зарядку, скомканную салфетку. Зарядку он машинально убрал обратно, телефон уже взял в руку, но вдруг остановился.

— Подожди.

Он развернул салфетку.

— Тут что-то написано.

Они оба склонились над столом.

На салфетке почерком Ильи была оставлена странная запись — явно для самого себя.

Глава 11

Пока Любочкин в прихожей объяснял соседке и слесарю из ЖЭКа, где расписаться в протоколе, Воронов уже вошёл в комнату Ильи.

Дождаясь у двери, он успел нарисовать в голове обычное логово молодого айтишника: грязные кружки, коробки из-под доставки, разбросанную одежду, вечный бардак. Поэтому, переступив порог единственной комнаты, невольно остановился.

Комната больше напоминала не жильё, а офис. Работал кондиционер. У окна стоял стол с высоким эргономичным креслом, над ним — несколько полок с техническими справочниками и пособиями. На столе — принтер, ровная стопка бумаги и стакан с аккуратно заточенными карандашами.

О том, что за этим столом действительно живут и работают, напоминала только кружка. Он заглянул внутрь — на дне темнели подсохшие остатки кофе.

Не утренний. Остался с вечера.

У противоположной стены стояла кровать, застеленная простым серым покрывалом. В эт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.